

УДК 811.511.131'28'366(045)

*Л.Л. Карпова, Н.М. Люкина***БЕСЕРМЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЧЕРТЫ В СЕВЕРНОУДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ**

Чепецкий регион представляет собой полиэтничный ареал, где наряду с удмуртами проживают русские, бесермяне, татары. Развитие ряда специфических черт в северноудмуртских диалектах в определенной степени связано с влиянием языка бесермян. Бесермяне – малочисленный народ северо-запада Удмуртии, говорящий на одном из наречий удмуртского языка. В статье рассматриваются фонетические и морфологические явления северноудмуртских диалектов, получившие развитие под влиянием языка бесермян или поддерживаемых контактами с этим языком. Из северных диалектов отдельные общие с бесермянским языком особенности выявляются в среднечепецком и нижнечепецком диалектах. Из фонетических особенностей рассматриваются явление перехода *ы* в *ь*, озвончение этимологических глухих согласных перед *в*, палатализация согласных гласным *и*, вставка протетического *й*, различные звуковые изменения в области гласных и др. Анализируются также некоторые факты бесермянского влияния на морфологическом уровне, в частности, в области формообразования некоторых местоимений, деепричастий.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянское наречие, северные диалекты, языковое влияние, фонетика, морфология.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1267-1279

Как известно, в языке соседствующих народов в большей или меньшей степени прослеживаются следы взаимных влияний. Наглядно демонстрируют это языки этносов, населяющих бассейн реки Чепцы. Данная территория – исторически сложившийся полиэтничный ареал, в пределах которого наряду с удмуртами проживают русские, бесермяне и татары. Вследствие продолжительного контакта этих народов происходило и взаимодействие их языков. Язык северных удмуртов, проживающих в чепецком ареале, имеет специфические черты, отличающие его от других структурно-территориальных разновидностей удмуртского диалектного языка. Развитие ряда характерных явлений в северноудмуртских диалектах в определенной степени обусловлено влиянием языка бесермян – одной из этнических групп, проживающих в северо-западных районах Удмуртской Республики. Проблема этногенеза и этнической истории бесермян до настоящего времени остается дискуссионной в историко-этнографической и лингвистической литературе. По мнению одних исследователей [21, с. 106; 7, с. 42–43; 14, с. 120; 15, с. 114–115; 17, с. 10–12 и др.], бесермяне представляют собой часть южноудмуртского населения, испытавшего в прошлом сильное влияние со стороны каких-то тюркоязычных народов. Другая группа ученых [22, с. 118; 6, с. 106; 34, с. 243 и др.] придерживается гипотезы тюркского происхождения бесермян и считает их обудмуртившимися тюрками, состоящими в близких родственных отношениях с предками современных чувашей.

В системе удмуртских диалектов языку бесермян отведено особое место. В иерархии единиц современного диалектного членения удмуртского языка его принято рассматривать в качестве одного из наречий [15, с. 30; 18, с. 43; 26, с. 42–48]. Бесермянское наречие к настоящему времени является наиболее изученным в удмуртской диалектологии. Существенный вклад в исследование бесермянского народа и их языка внесла Т.И. Тепляшина, опубликовавшая по данной проблематике, помимо множества статей, монографию «Язык бесермян» [34]. Вопросы фонетики бесермянского наречия и его своеобразия в системе удмуртских диалектов нашли отражение в ряде исследований ведущего удмуртского лингвиста В.К. Кельмакова [16, с. 33–107; 19, с. 87–134; 20, с. 126–150]. Описание современного состояния фонетико-морфологической системы языка бесермян представлено в монографии Н.М. Люкиной [24]. Лексическое своеобразие бесермянского наречия нашло отражение в двух словарях, подготовленных московскими лингвистами [32; 33]. Тем не менее, несмотря на наличие достаточно большого количества лингвистических исследований, язык бесермян продолжает оставаться объектом дискуссий, в частности, по вопросам фонетических явлений, происхождения лексики, составляющих специфику бесермянского наречия, и его статуса в системе удмуртских диалектов (см.: 14, с. 114–122; 15, с. 113–115; 25, с. 116–117; 1, с. 12). Как верно отмечает В.К. Кельмаков, специфика языка бесермян заключается в сочетании в его фонетической системе, морфологическом строе и словарном составе явлений как северноудмуртских,

так и южноудмуртских диалектов с рядом собственно «бесермянских» особенностей, не имеющих параллелей в других диалектных микросистемах, или же гипертрофированные на бесермянской почве явления, спорадически отмечающиеся и в других удмуртских диалектах [15, с. 34–36].

Данная работа посвящена рассмотрению некоторых фонетических и морфологических особенностей северноудмуртских диалектов, получивших развитие под влиянием языка бесермян или поддерживаемых контактами с бесермянским языком. Источниковой базой исследования послужили полевые материалы автора, собранные в ходе диалектологических экспедиций в районах проживания северных удмуртов. Материал по языку бесермян заимствован из книг Т.И. Тепляшиной «Язык бесермян» [34], Н.М. Люкиной «Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских удмуртов» [24].

В зоне распространения северноудмуртского наречия выделяются 3 диалекта (или 3 группы говоров): нижнечепецкий, среднечепецкий и верхнечепецкий. Из указанных диалектов некоторые общие с бесермянским языком черты обнаруживаются в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, носители которых издавна живут (это среднечепецкий диалект) или жили (относится к нижнечепецкому диалекту) в соседстве с бесермянским населением.

Общеизвестно, что основным источником развития диалектов любого языка являются его внутренние ресурсы. Вместе с тем в сложении языка территориальных говоров немаловажную роль играет их этнолингвистическое окружение. Как было отмечено выше, заметное влияние на язык нижнечепецких и среднечепецких удмуртов ощущается со стороны языка бесермян. Этническая история бесермянского народа до переселения в бассейн р. Чепцы была связана с юго-западом удмуртской этнической территории [35, с. 313]. Согласно мнению многих ученых, в бассейн Чепцы они переселились в XIV–XVI вв. с районов Заказанья вверх по Вятке [34, с. 13; 29, с. 51–52; 2, с. 193]. Названия «чуваша», «чуваша арская», зафиксированные в исторических документах, исследователи нередко связывают с современными бесермянами [34, с. 13–19; 9, с. 24–25; 4, с. 99, 173]. По мнению С.А. Максимова, наименование «чуваша арская» могло включать в себя не только бесермян, но и какую-то группу чувашского населения (и даже южноудмуртского), переселившегося по Вятке в бассейн Чепцы [27, с. 108].

В бассейне р. Чепца исторические документы фиксируют бесермян в середине XVI – начале XVII вв. в соседстве с удмуртами, русскими и татарами [22, с. 118–119]. Ранние бесермянские поселения в основном отмечаются в устье Чепцы и по ее среднему течению. К концу XVIII в. слободские бесермяне, территориально отдаленные от поселившихся в среднем течении Чепцы и ее притоках локальных групп, стали формироваться в отдельную группу [8, с. 104]. Полевые исследования, проведенные в конце прошлого – начале текущего столетия в Слободском р-не Кировской области, показали, что слободские бесермяне были ассимилированы татарами и удмуртами [4, с. 298–299; 30, с. 9]. Из бывших бесермянских населенных пунктов в Слободском р-не сейчас сохранились лишь дд. Омсино и Нижнее Мочагино, жители которых полностью обудмуртились.

В настоящее время бесермяне проживают на северо-западе Удмуртии в Юкаменском, Ярском, Базинском, Глазовском и Красногорском районах [30, с. 10]. Из говоров среднечепецкого диалекта значительное влияние со стороны языка бесермян получили юкаменский говор, на территории распространения которого находится самое большое количество бесермянских населенных пунктов, также ярский говор и кожильский подговор глазовского говора, в ареале распространения которого также имеются или имелись в прошлом бесермянские селения.

Анализ грамматических особенностей северноудмуртских диалектов показывает, что в нижнечепецком и среднечепецком диалектах бесермянские черты обнаруживаются в основном на фонетическом уровне и в меньшей степени на морфологическом. Из фонетических явлений среднечепецкого и/или нижнечепецкого диалектов, обусловленных влиянием бесермянского языка, можно отметить следующие черты.

1.1. В говорах среднечепецкого диалекта фонема *ы* реализуется в трех фонетических вариантах: *ы* – гласный среднего ряда верхнего подъема, *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъема заднего ряда, *ў* – гласный верхне-среднего (среднего) подъема средне-заднего ряда. Вариант *ь*, не имея позиционных ограничений, имеет сплошное распространение в ареале юкаменского говора и кожильского подговора глазовского говора: *мъньнь* ‘идти’, *ужань* ‘работать’. Примеры: юк. *пэрэсьйос шуъли зъ ўал’лан*: «кўаз’ кэ кэз’ът, ис’н’икуттэ сутоно, кўин’ с’урэс вожэ мъньса». Байр. ‘Старые люди говорили раньше: «Если погода холодная, изношенные лапти надо сжечь на развилке трех дорог (‘идя на

развилку трех дорог')»»; кож. *война дугдэм бэрэ йун с'экът вал н'ан' с'арьс'*. Люм 'После окончания войны очень трудно было с хлебом'.

Гласный *ы* характерен преимущественно для речи носителей ярского и бalezинского говоров: *ус'ыны* 'падать, свалиться', *пыд* 'нога', *шыд* 'суп'. Произносительный вариант *ў* встречается в основном на стыке ареалов распространения *ъ* и *ы*. В верхнечепецких и нижнечепецких говорах гласный *ы* функционирует в одном варианте – *ы* (как гласный среднего ряда верхнего подъема).

Употребление заднерядного варианта *ъ* отмечается и в других удмуртских диалектах, в частности, в кукморском, краснофимском периферийно-южных говорах, отдельных собственно южных диалектах [18, с. 54]. В языке бесермян общеудмуртская фонема *ы* во всех позициях фонетической структуры слова реализуется в заднерядном варианте *ъ*.

Причину веляризации *ы* в *ъ* в удмуртских диалектах ряд ученых, в частности, В.И. Лыткин и В.К. Кельмаков, объясняет влиянием тюркских языков [23, с. 93; 12, с. 548]. В более поздних исследованиях В.К. Кельмаков склоняется к мысли о том, что фонетический процесс перехода *ы* в *ъ* мог осуществиться по собственным внутренним законам развития удмуртского языка, а тюркскому влиянию следует отводить лишь роль дополнительного фактора [17, с. 20].

Вопрос о происхождении вариантов фонемы *ы* в удмуртских диалектах поднимается также в работах М.Г. Атаманова [4, с. 306–318]. Ученый не соглашается с трактовкой о возникновении заднерядного *ъ* в удмуртских говорах и диалектах под влиянием татарского языка и выдвигает гипотезу его происхождения под влиянием бесермянского языка. Основным доводом в пользу данного предположения, согласно его мнению, выступает тот факт, что вариант *ъ* отсутствует в некоторых наиболее тюркизированных говорах периферийно-южного диалекта, в частности, в шошминском, буйско-таныпском говорах, испытавших сильное воздействие со стороны татарского языка на всех языковых уровнях. Наряду с этим, как отмечает исследователь, в кукморском и татышлинском говорах периферийно-южного диалекта, окруженных также татарскими говорами, употребляется заднерядный вариант *ъ*. Аналогичная ситуация обнаруживается и на юге Удмуртии в соседствующих с татарами населенных пунктах: в одном селении произносится заднерядный *ъ*, в другом – средне-заднерядный вариант *ў*, а для третьего характерно функционирование среднерядного варианта фонемы *ы*. Особенно отчетливо употребление разных вариантов фонемы *ы* обнаруживается в говорах удмуртов Алнашского, Граховского, Киясовского районов Удмуртской Республики. На этом основании, как считает М.Г. Атаманов, предположение о возникновении заднерядного *ъ* под влиянием диалектов татарского языка представляется сомнительным. Изучив ареал распространения заднерядного *ъ* и его варианта *ў* в говорах южноудмуртского наречия и сравнив эти данные с историей расселения воршудно-родовых групп, исследователь высказывает гипотезу появления заднерядного варианта фонемы *ы* в удмуртских говорах под влиянием языка бесермян [4, с. 312].

Несколько иное объяснение данного вопроса представлено в исследовании С.А. Максимова, согласно которому заднерядный *ъ* не во всех удмуртских диалектах, в которых он функционирует, возник под влиянием бесермянского языка [28, с. 68]. По мнению ученого, в возникновении данного звука в удмуртских диалектах решающую роль сыграл татарский язык. Это касается, прежде всего, отдельных говоров периферийно-южного (кукморского, бавлинского, ташкичинского, татышлинского) и собственно южного диалектов. Появление заднерядного *ъ* в среднечепецком диалекте исследователь склонен объяснить влиянием языка бесермян [28, с. 66].

Относительно развития *ы* в *ъ* в среднечепецком диалектном ареале мы придерживаемся позиции о решающей роли бесермянского языка в этом процессе, поскольку заднерядный вариант *ъ* отмечается чаще всего в тех говорах, носители которых издавна живут в соседстве с бесермянами [11, с. 49–50].

1.2. Для нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов характерным является озвончение этимологических глухих согласных перед губно-зубным согласным *в*: сч., нч. *пкз' ву* (< *пкс' ву*) 'горячая вода'; сч., нч. *шуньд ву* (< *шуньт ву*) 'теплая вода'; сч., нч. *даз вит'* (< *дас вит'*) 'пятнадцать'; сч., нч. *лызв* (< *лысву*) 'роса'; сч., нч. *тулыз ву* (< *тулыс ву*) 'половодье, разлив'; сч., нч. *жжög вылын* (< *жжök вылын*) 'на столе' и др. Примеры: сч.: юк. *двэна-ццэт'и-трина-ццэт'и л'эт чяйчянь н'и бо-л'шэ ужал'л'ам ми. вэтльлим с'уррэз вьльн но*. Байр. 'С двенадцати-тринадцати лет больше уже в лесу работали мы. Ходили и [на расчистку] дорог ('на дороге')'; сч.: кож. *тарэ мон ачим но кьшкай: кьйю-н-а, ма-р-а? зэмзэ но, кьйон! сьлэ с'уррэз вьльн вузьса*. Люм 'Теперь и я сама испугалась: волк, что ли? Действительно, волк. Стоит **посреди дороги** и воет'; нч.: сл. *сысыпуэ тыл йотти, **ыл'ыз вал** но, öз*

жу·а. Свет. ‘К можжевельнику поднесла [я] огонь, **сырой был**, не загорелся [он]’. В северной диалектной зоне данное фонетическое явление не наблюдается в верхнечепецких говорах.

Озвончение глухих согласных перед губно-зубным *в*, помимо среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, широко распространено в языке бесермян [34, с. 151–153; 24, с. 67], в котором оно носит четко выраженный регулярный характер.

Кроме этого, в среднечепецком и нижнечепецком диалектах единичные примеры зарегистрированы на явление озвончения глухих согласных в соседстве с сонорными и в интервокальной позиции: сч., нч. *тарганы* (< *тарканы*) ‘запутать, спутать, перепутать, смешать’; сч., нч.: сл. *долганы*: *пин' долгаз* (< *пин' долказ*) ‘набил оскомину’; сч., нч.: сл. *тага* (< *така*) ‘баран’; сч. *брусн'и-га* (< рус. *брусника*) ‘брусника’; сч., нч.: кос. *чэрн'ига* (< рус. *черника*) ‘черника’; сч., нч.: сл. *грэчуга*, сч. *грэчига* (< рус. *гречиха*) ‘гречиха’. Примеры: сч.: юк. *тага вандэли·зь н'и и л' й и н д' э н'э*. Ер. ‘**Барана** закалывали уже на Ильин день’; нч.: сл. *трунтрава ўан' ычэ. тан' н'имзэ но таргас'ко... по-русски со «мэл'исса»*. Пес. ‘Лекарственная трава есть такая. Вот название **путаю**... По-русски это «мелисса»’. Аналогичное явление отмечается в языке бесермян [34, с. 153–154; 24, с. 67], в отдельных периферийно-южных говорах, в частности, в бавлинском, кукморском и закамских говорах [19, с. 93–94].

Относительно происхождения данного фонетического процесса в среднечепецком и нижнечепецком диалектах мы придерживаемся позиции Т.И. Тепляшиной, которая считает, что источником его развития в севернорудмурских диалектах могло послужить влияние языка бесермян [34, с. 153]. Материалы по среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам также подтверждают данную гипотезу: озвончение глухих согласных перед *в* довольно активно отмечается в территориально смежных с бесермянским наречием севернорудмурских говорах.

1.3. Отличительной чертой среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов в макросистеме севернорудмурских диалектов является палатализация согласного *т* перед гласным *и*. Указанное явление наиболее последовательно происходит в следующих позициях: 1) в форманте *-эт'и* порядковых числительных; 2) в маркере переходного падежа; 3) в некоторых наречиях и наречных словах на *-т'и*, например: сч., нч. *вит'э·т'и* ‘пятый’; сч., нч. *дасэ·т'и* ‘десятый’; сч. *бакча(ы)т'и*, *бакча(ы)т'*, нч. *бакча(э)т'и* (~ *бакча(ы)т'и*) ‘по огороду’; сч. *корка(ы)т'и*, *корка(ы)т'*, нч. *корка(ы)т'и* ‘по дому’; сч., нч. *от'и* (~ *от'*) ‘там; по тому месту’; сч., нч. *тат'и* (~ *тат'*) ‘здесь; по этому месту’. Примеры: сч.: яр. *от'ийэ вэтлим йырмул'ы понна, кудымул'ы понна, йагмул'ы понна*. Ел. ‘**Туда** [мы] ходили за клюквой, за черникой, за брусникой’; сч.: кож. *пинал дэрийам оз' шудьса бэн вэтлим. ми ул'чат'и мад'ьса вэтльлим, эуч но мад'эз мад'ис'ком вал*. Люм ‘В молодости [мы] ведь так играли. **Мы по улице**, [песни] распевая, ходили, и русские песни пели’; нч.: сл. *быдэс кўаз' атскэ липэтым'и*. Свет. ‘**Всё** небо видно **сквозь** [дырвяую] **крышу**’.

В слободском говоре нижнечепецкого диалекта и юкаменском говоре среднечепецкого диалекта нами зафиксировано также несколько примеров на палатализацию согласных *т*, *н* после гласного *и*, имеющую спорадический характер употребления, например: нч.: сл. *д а р й а н о м а р й а ўачэ нумит' учко. (пол но потолок)* Ом. ‘Дарья и Марья друг на друга (‘друг **против** друга’) смотрят. (Пол и потолок)’; нч.: сл. «*д·стэ ии'марэ*» *карса потоно, пэ, сурэз вылэ*. Пес. ‘**«Господи**, благослави» сказав, нужно выходить в дорогу’; сч.: юк. *ко·т'мар адзис'киз. чайчайэ лэктэлим валэн. тэжит'а ьробозэ, ко·т'ма кар, ьробойэз мэшокэн*. Пор. ‘**Всё** повидала [я]. В лес ездили на лошади. Нужно **намазать** телегу **дегтем**, хоть что делай, **телега** [нагружена] мешками’.

Для верхнечепецкого диалекта явление палатализации в целом не характерно. Смягчение дентальных согласных *н*, *д*, *т* под влиянием соседних гласных переднего ряда *и*, *э* широко представлено в бесермянском наречии [34, с. 79–81, 165; 24, с. 78, 108–109]. Аналогичный фонетический процесс наблюдается также в отдельных микросистемах собственно южного диалекта [13, с. 38–39; 10, с. 127; 3, с. 173]. В нижнечепецком и среднечепецком диалектах явление смягчения согласного *т* перед *и*, по нашему мнению, получило развитие под влиянием языка бесермян.

1.4. Специфику нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов в макросистеме севернорудмурского диалектного языка составляет сохранение общепермского инициального согласного *ў* перед гласным *а*, выступающего в ограниченном круге слов: сч. *ўал'л'ана* ~ *ўал'л'ала*, нч. *ўал'л'ана* ‘древний, старинный’; сч., нч. *ўачэ* ‘двое; вдвоем, на пару’; сч., нч. *ўамэн* ‘поперек, через’; сч., нч. *ўан'* ‘есть, имеется’; сч., нч. *ўал'эс* ‘постель’; сч., нч. *ўан'бур* ‘богатство, достаток’; сч., нч. *ўамэнэс* ‘упрямый, непослушный’; сч., нч. *ўатыны* ‘спрятать; хоронить, похоронить’; сч., нч. *ўамьш* ‘шаг’ и др. Примеры:

сч.: гл. *ку таццъ, э б г а пала, улънъ ѱас'ким, мон уг н'и тодъс'къ*. Пышк. 'Когда сюда, в сторону [деревни] Нижняя Слудка, **перебрались** жить, я уже не помню'; нч.: сл. *ѱал'л'о ѳучос кошкыны кутски-зы татыс'.* *ви·дно, кин уж понна кошкиз*. Бур. '**Вначале** русские начали уезжать отсюда. Видно, кто-то из-за работы уехал'; нч.: кос. *пудэн вэтти·мы ѱатыны сват'т'амэ*. Берез. 'Пешком ходили мы на похороны ('**хоронять**') сватьи'.

В большинстве удмуртских диалектов общепермский *ѱ- заместился согласным в-, удержавшись лишь в отдельных периферийно-южных говорах [17, с. 35–36; 18, с. 85] и в бесермянском наречии [34, с. 119; 24, с. 55–58]. Мы полагаем, что сохранению анлаутного ѱ в языке нижнечепецких и среднечепецких удмуртов мог способствовать бесермянский язык, в фонетической системе которого этот звук имеет весьма устойчивый характер. Отметим, что в соседних верхнечепецких говорах, носители которых не имели контактов с бесермянским населением, в настоящее время согласный ѱ в начальной позиции слова практически не встречается, за исключением гыинского куста кезского говора, территориально смежного со среднечепецким диалектом.

1.5. Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов характерной чертой является вставка протетического согласного ѱ перед вопросительной частицей -а 'ли' при условии, если предшествующее слово заканчивается на гласный: сч., нч. *кошко-ѱа?* 'уйду ли?'; сч., нч. *сойэ-ѱа?* 'это ли?'; сч., нч. *ужас'код н'и-ѱа?* 'работаешь уже?'; сч., нч. *ужады-ѱа* 'вы работали?'; сч., нч. *ус'сэ-ѱа?* 'послезавтра ли'. Примеры: сч.: яр. *аскы-ѱа ти кошкыс'ко·ды?* Оз. 'Завтра вы уезжаете?'; сч.: юк. *тодис'ко·дъ-ѱа шал'ийэн шудонэз? в э л' и к т э м дърйа йэгит'т'ос шал'ийэн шудъли·зъ*. Бел. 'Знаете **ли** игру «Городки»? В Пасху молодежь играла в городки'; нч.: кос. *тил'ад но д'эрэвн'айос быро-ѱа?* Сиб. 'И в ваших краях ('у вас') деревни исчезают?'; нч.: сл. *йун зок разн'иццэз ѱан' мил'ам дис'ас'конамы. налто·ды-ѱа дис'мэс?* Ом. 'Очень большое отличие имеется в нашей одежде. Посмотрите **ли** нашу одежду?'. В настоящее время указанная фонетическая черта является неустойчивой, поскольку встречается в основном в речи диалектоносителей преклонного возраста и характеризуется нерегулярностью употребления.

Аналогичное явление вставки протетического согласного ѱ перед частицей -а 'ли' отмечается в бесермянском наречии [34, с. 160]. Из других удмуртских диалектов оно зафиксировано в лолошур-возжинском кусте граховских говоров (по сведениям М.Г. Атаманова – Л. К.). По нашему мнению, источником развития данного процесса в нижнечепецком и среднечепецком диалектах могло послужить влияние языка бесермян.

1.6. Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов характерным является выпадение в небольшом количестве слов этимологического гласного у в анлауте перед согласными *p, d, c* (в косинском говоре нижнечепецкого диалекта изредка и перед согласными *л, м*): сч., нч. *робо* (< *уробо*) 'телега'; сч., нч. *далтыны* (< *удалтыны*) 'уродиться'; сч., нч. *далтымтэ* (< *удалтымтэ*) 'непутевый'; сч., нч. *сукмыны* (< *усыкмыны*) 'угореть'; нч.: сл. *рөд* (< *урод*) 'плохой'; нч.: кос. *лошойатыны* (< *улошойатыны*) 'кастрировать'; нч.: кос. *морто* (< *уморто*) 'улей' и др. Примеры: сч.: юк. *мэрттэли·зъ картошка но огрэч. огрэч ко·т'ку ик далтълиз*. Кыч. 'Сажали картофель и огурцы. Огурцы всегда **урождались**'; нч.: кос. *старикэлэн морто лэс'тыны синмыз уг а·дзы*. Ок. 'У мужа моего, чтобы **улей** сделать, глаза уже плохо видят'.

В верхнечепецком диалектном ареале отпадение инициального у спорадически отмечается в гыинском и александровском кустах кезского говора, пограничных со среднечепецким диалектом: *робо* (< *уробо*) 'телега', *далтыны* (< *удалтыны*) 'уродиться', *сукмыны* (< *усыкмыны*) 'угореть'. Подобные формы лексем нами зафиксированы преимущественно в речи диалектоносителей пожилого возраста.

Аналогичная картина выпадения инициального у наблюдается в языке бесермян [34, с. 85], частично оно имеет место в кукморском говоре [18, с. 289]. Учитывая, что в абсолютном большинстве удмуртских диалектов представленные выше лексемы функционируют в полной форме, можно предположить, что в среднечепецком и нижнечепецком диалектах сокращенный вариант подобных слов возник в результате воздействия бесермянского языка.

1.7. В говорах нижнечепецкого диалекта в определенном количестве слов в пределах первого слога функционирует гласный *ы* (достаточно редко *у*) на месте у верхнечепецких и среднечепецких говоров: нч. *цыжон* // сч., вч. *цужон* 'метла'; нч. *шыдыны* // сч., вч. *шудыны* 'играть'; нч. *шыдэтскыны* // сч., вч. *шутэтскыны* 'отдыхать'; нч. *зындэс* // глаз., вч. *зундэс* 'кольцо'; нч. *зыбэктыны* // сч., вч. *зубэктыны* 'сводить судорогой, колоть'; нч. *тырскыны* // сч., вч. *турскыны* 'пытаться, стараться'; нч.

лы·мбыт // сч. лы·мбыт ~ лу·мбыт, вч. лу·мбыт ‘целый день’; нч. *цыжыны* // сч., вч. *цужыны* ‘мести, подметать’; кос. *пын'и*, сл. *пын'ы* ~ *пун'ы* // сч., вч. *пун'ы* ‘ложка’; кос. *пын'н'аны* // сч., вч. *пун'н'аны* ‘закрыть’; сл. *сысыпу*, кос. *сысыпу* ~ *сусупу* // сч., вч. *сусыпу* ‘можжевательник’; сл. *мымы* ~ *мумы* // сч., вч. *мумы* ‘мать; мама’ и др. Примеры: нч.: сл. *ч о л ала шыдон'н'э мынылим. кырзал'л'ал'л'а·зы, с'эрэкиал'л'ал'л'а·зы сокы пыр*. Пес. ‘В Круглово на игрище [мы] ходили. Пели, смеялись тогда всё время’; нч.: кос. *с д'э·тсва со шыдылиз. сокы сойэ гармошкэйэн уати·зы*. Берез. ‘С детства он играл [на гармошке]. Потому его под гармошку похоронили’. Единичным примером представлено данное фонетическое явление в пределах непервого слога: нч. *нырылыны* // сч., вч. *нырулыны* ‘дремать’.

Источником возникновения данной междиалектной корреспонденции в первом слоге выступает праудмуртский *8, который в диалектах удмуртского языка дал различные рефлексy. Как отмечает В. К. Кельмаков, фонетически и фонематически сохранился он только в говорах периферийно-южного диалекта, где более или менее последовательно выступает *у* на месте предполагаемого *8 (спорадически в качестве репрезентанта функционируют еще *ь* или *у*). В большинстве диалектов (сев., южн., сред.) *8 перешел в *у* (лишь в исключительных случаях этимологическим субститутом его является *ы* или его варианты). В бесермянском наречии и закамских говорах он совпал с *ы* (бес. *ь < *8*) (спорадически сохранился нефонематический *у* или появился (в закамских говорах) гласный *у*) [20, с. 34–37]. Мы полагаем, что употребление в нижнечепецких говорах *ы* на месте ожидаемого *у* других северноудмуртских диалектов можно объяснить влиянием бесермянских говоров, которые частично участвовали в формировании удмуртских говоров нижнечепецкого ареала.

1.8. В нижнечепецком диалекте в небольшой группе слов в пределах первого слога перед палатальными согласными как рефлекс праудмуртского **у* функционирует гласный *и*, в то время как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах в данном случае чаще выступает гласный *ы* (иногда варьирующие гласные *ы* ~ *и*): кос. *биз'ыны* ~ *биз'ины*, сл. *биз'ыны* // сч., вч. *быз'ыны* ‘выйти замуж; бежать, течь (о реке)’; нч. *киз'// сч., вч. кыз'* ‘моча’. Примеры: кос. *таццы биз'и кэ мон, татын сокы ичи домйос вал*. Ок. ‘Когда сюда я замуж вышла, тогда здесь мало домов было’; кос. *пыртэм нылы кварт'ираэз аналтиз, мукэт стариклы биз'из*. Сиб. ‘Крестница моя квартиру свою оставила, за другого вышла замуж’.

Отмеченное явление сближает нижнечепецкий диалект с южноудмуртскими говорами и бесермянским наречием. Однако, в отличие от последних, в рассматриваемом диалекте процесс изменения *ы* в *и* в данной позиции проявляется менее интенсивно, что подтверждает наш полевой материал. К примеру, встречаются случаи, когда в качестве репрезентанта праудмуртского **у* в нижнечепецких говорах, как и в других северноудмуртских диалектах, функционирует гласный *ы*: *выл'* ‘новый’, *пыд'эс* ‘колени’, *кыз'ы* ~ *кыз'и* ‘как; каким образом’. Примеры: кос. *мон йорос кышно вал, со тракторэн гыриз, выл' тракторэн*. Сиб. ‘Моего возраста женщина была, она на тракторе пахала, на **новом** тракторе’; кос. *бабайэлэн удморт заводэз вал. кыз'и куриз удморт заводэн уатыны, оз' ик кари·мы*. Сиб. ‘У моей свекрови удмуртское платье было. **Как** просила она в удмуртском платье похоронить, так и сделали мы’.

Кроме этого, некоторая специфика в проявлении указанного типа корреспонденции наблюдается также внутри говоров нижнечепецкого диалекта. В частности, в слободском говоре в нескольких лексемах репрезентантом праудмуртского **у* выступает гласный *ы*, в то время как косинский говор имеет в этой же позиции гласный *и*: сл. *н'ыл'*, кос. *н'ил'* ‘четыре’; сл. *пыз'*, кос. *пиз'* ‘мука’. Примеры: кос. *муми но, айи но с л у т каыс' ик. мумилэн ми н'ил' вал*. Слуд. ‘И мать, и отец мой родом из Слудки же. У матери нас **четверо** [детей] было’; сл. *пичил'тэк укс'о но с'отэ подруга. н'ыл' с'у вит'тас свэт понна но с'отиз*. Крас. ‘Немного и денег дает подруга. **Четыреста** пятьдесят [рублей] и на оплату электроэнергии дала’; кос. *пиз' понна сус'эд лыктэм. отказат' ой ка·ры, с'оти н'и пиз'*. Сиб. ‘**За мукой** сосед пришел. Отказывать не стала, дала уже муки’; сл. *три·цэт' чэтырэ го·да улим картэным. мэ·л'н'иц·цаын со пыз' ызиз, мэ·л'н'ином вал*. Пес. ‘Тридцать четыре года прожили мы с мужем. На мельнице он **муку** молот, мельником был’. В нижнечепецких говорах источником *и*-ового произношения указанных лексем, по нашему мнению, также послужило влияние языка бесермян.

В отдельных населенных пунктах юкаменского и ярского говоров в нескольких словах в данной позиции отмечаются случаи спорадического употребления гласного *и* на месте ожидаемого *ы* (*ы*, *ь*, *у*): юк. (ВУн., НЕл., Пор., Пыш., Чур.), яр. (Мем., Ук.) *пиз'* ‘мука’; юк. (НЕл., Пыш.), яр. (Бар., Диз.,

Дзяк., Ел., Ук., Юр) *биз'э* 'течет (о реке); выходит замуж'. Подобное употребление в говорах этих селений, как мы считаем, возникло под влиянием языка бесермян, с которыми носители указанных говоров имеют (или имели) непосредственные контакты.

1.9. В нижнечепецких говорах в небольшой группе слов в пределах первого слога в соседстве с последующим твердым согласным или между предшествующими *ж*, *ш* и последующими палатальными нередко фонеме *и* (реже *ы*) среднечепецких и верхнечепецких говоров соответствует гласный *ы* (иногда варьирующие гласные *ы* ~ *и*): нч. *лыкыт* // сч., вч. *лыкыт* 'аккуратный, экономный'; кос. *жыл'и*, сл. *жыл'ы* ~ *жыл'и* ~ *жил'и* // сч. *жыл'и* ~ *жил'ы*, вч. *жил'ы* 'цепь'; нч. *гынэ* // сч., вч. *гинэ* 'только, лишь'; кос. *сын'ис* ~ *сын'ыс*, сл. *сын'ыс* // сч., вч. *син'ыс* 'нитка'; кос. *зыбыт* // сч., вч. *зыбыт* 'тихий, смиренный'; нч. *жыл'дыны* // сч. *жил'дыны* ~ *жыл'дыны*, вч. *жил'дыны* 'лущить' и др. Примеры: кос. *бэрло врэмэйэ гынэ эл'эктродо-йка кари-зы фэрмаын*. Ас. 'Только в последнее время электродойку установили на ферме; сл. *дас, дыр, мынам гыныйэ, дас ойиг, дыр, зындэсэ*. Пес. 'Десять, наверно, у меня [слова] «только», одиннадцать, наверно, у меня колец'; кос. *тимуртэз воз'и кварт'ира-нтом, л'окос зыбыт вал со*. Берез. 'Молодого мужчину держала я квартирантом, очень тихий был он'. По характеру проявления данного явления нижнечепецкий диалект имеет сходство с южноудмуртскими говорами [13, с. 29–30; 3, с. 167–168] и бесермянским наречием [34, с. 74; 24, с. 38], которым свойственно употребление *ы*-овых форм подобных слов. Оформление в говорах нижнечепецкого диалекта указанных лексем в *ы*-овой огласке было поддержано, как мы полагаем, наличием этих форм в языке бесермян.

1.10. В нижнечепецком диалекте некоторая специфика проявляется в фонетическом оформлении числительного 'один'. В большинстве удмуртских диалектов и литературном языке оно функционирует в форме *одиг*. В нижнечепецком диалекте данное числительное представлено в форме *ойиг*. Примеры: сл. *ойигэз но пинал'л'осыз өвөн'н'и, пиосыз чик өвөн'н'и*. Пас. 'Ни одного из детей у нее не осталось уже, сыновей совсем не осталось уже'; кос. *ойиг лафка мил'ам татын'яан'*. Ок. 'Всего один магазин у нас здесь имеется'. Отметим, что в косинском говоре, наряду с формой *ойиг*, изредка встречается также форма *одиг*.

Употребление варианта *ойик* отмечается в бесермянском наречии [34, с. 207; 24, с. 106], в некоторых граховских говорах. Исходной является форма *одиг*, которая в нижнечепецких говорах и в языке бесермян, согласно мнению Т. И. Тепляшиной, подверглась следующим модификациям: под влиянием переднерядного гласного *и* предыдущий согласный *д* в определенный период развития языка смягчился, затем с течением времени произошло чередование мягкого согласного *д'* со среднеязычным *й*: *одиг* > *од'иг* > *ойик* [34, с. 207–208]. Возникновение варианта *ойик* в нижнечепецких говорах, по-видимому, можно рассматривать как влияние языка бесермян, переселившихся, согласно М. Г. Атаманову, из среды граховских, кукморских, нижеижских, кизнерских (нижневятских) удмуртов [4, с. 352–362].

Поскольку вариант *ойиг* наличествует как в слободском, так и косинском говорах, следовательно, можно предположить, что процесс изменения числительного *одиг* в *ойиг* в нижнечепецком ареале происходил до переселения части нижнечепецких удмуртов на р. Косу.

2. В ходе исследования нами выявлено также несколько примеров бесермянского влияния на североудмуртские диалекты на морфологическом уровне. Остановимся на рассмотрении некоторых из них.

2.1. В удмуртских диалектах аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа представлен несколькими вариантами суффиксов. В говорах южной диалектной зоны и части срединных говоров в данной функции последовательно выступает формант *-ыз*. В отличие от этого, в северной диалектной зоне аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа наряду с характерным для этого ареала показателем *-ды* выражается варьирующимися по диалектам суффиксами *-эс*, *-эсты* (*-эсть*), *-дыс*.

В ареале нижнечепецкого диалекта отмечается функционирование плюральных форм аккузатива преимущественно с формантом *-эс*: *мил'эмэс* 'нас', *тил'эдэс* 'вас'. Примеры: кос. *тил'эдэс обижат' каро-яа? ми ачимэс яал'л'о обижат' каро-мы соосты*. Ас. 'Вас обижают ли? Мы сами прежде обидим их'; сл. *тил'эдэс таццы кин напра-вит' кариз?* Свет. 'Вас сюда кто направил?'.

В среднечепецком диалекте наблюдается функционирование аккузативных форм указанных местоимений с аффиксами *-ды(-дъ)* / *-эс* / *-эсты(-эсть)* *-дыс*, различающихся характером употребления

в диалектных микросистемах. В частности, в юкаменском и ярском говорах, также в кожильском говоре глазовского говора наиболее распространенными являются формы с маркерами *-эсты* (*-эсть*) ~ *-эс*, реже встречаются формы с показателем *-ды*: юк., кож. *мил'эмэсть* ~ *мил'эмэс*, яр. *мил'эмэсты* ~ *мил'эмэс* 'нас'; юк., кож. *тил'эдэсть* ~ *тил'эдэс*, яр. *тил'эдэсты* ~ *тил'эдэс* 'вас'. В ареале понинского говора широко функционируют формы с суффиксами *-эсты* ~ *-эс* ~ *-ды*, крайне редко – *-дыс*. В бале-зинском говоре прослеживается активное употребление плюральных форм 1-го и 2-го лица указанных местоимений с формантом *-ды*, намного реже – с показателем *-эсты* и *-дыс*. Примеры: юк. *со лъктиз обэдань, и вэра соль с'эстрэз, што мил'эмэс кэл'ань мэдо, б о р и сэн н' и н айэндъ, д'эддомэ*. ВУн. 'Он пришел обедать, и говорит ему сестра его, что собираются отправить **нас**, Нину с Борисом, в детдом'; яр. *со кз н'и кышнойас'кы. мил'эмэсты жал'аз, луоз, с'урмумы урод воз'оз шуыса'-а, ма-р-а*. Чар. 'Отец один остался. Он уже не женился [после смерти мамы]. **Нас** пожалел, видимо, что мачеха плохо будет [о нас] заботиться, что ли'; яр. *тин' тил'эдэсты ыстоно вал р а й к ан'э*. Ел. 'Вот **вас** нужно было отправить в дом к Рае'; бал. *кўин'куз'а ми с'эстраос вал но, мамэ с'эжыт, нэ, тил'эдды будэтыны, дис'аны, шуиз*. Люк. 'Трое нас сестер было, и мама моя сказала, мол, тяжело **вас** растить, одевать'.

Для верхнечепецких говоров характерна тенденция использования маркеров *-ды* и *-дыс*, причем первый из указанных формантов свойственен кезскому говору: кез. *мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас'. В дебёсском и зуринском говорах отмечается параллельное употребление суффиксов *-ды* и *-дыс*: деб., зур. *мил'эмды* ~ *мил'эмдыс* 'нас'; деб., зур. *тил'эдды* ~ *тил'эддыс* 'вас'.

Диакронически аккузативные маркеры с опорным согласным *-т* (*-д*) и *-с* (*-з*) восходят к прапермскому периоду, на что указывает их широкое распространение во всех пермских языках и диалектах [31, с. 42; 18, с. 120; 36, с. 64]. Показатель аккузатива *-дыс*, характерный в большей степени для верхнечепецких говоров, образован плеонастическим сочетанием суффиксов аккузатива северных говоров *-ды* и южных говоров *-ыз*. Интерес представляют функционирующие в нижнечепецком диалекте и отдельных говорах среднечепецкого диалекта форманты аккузатива *-эс* и *-эсты*. Аналогичные маркеры плюральных форм аккузатива личных местоимений 1-го и 2-го лица *-эс* и *-эсты* отмечаются в бесермянском наречии [34, с. 184; 24, с. 92]. Мы полагаем, что оформление в нижнечепецком и среднечепецком диалектах аккузативных форм указанных местоимений показателями *-эс* и *-эсты* обусловлено влиянием языка бесермян, поскольку эти формы обнаруживаются в основном на территории бывшего и/или современного расселения бесермян. В ходе переселения бесермян с Прикамья на Чепцу формы *мил'эмыз*, *тил'эдыз*, по-видимому, проникли в севернорудмуртский ареал. Возникновение алломорфа *-эс* в бесермянском наречии можно представить следующим образом: в силу ассимилятивных процессов гласный *ы* показателя аккузатива *-ыз* уподобляется предшествующему гласному *э*, в результате чего имеем *-эс*: *мил'эмэс* < *мил'эмыз* 'нас', *тил'эдэс* < *тил'эдыз* 'вас'. Далее к бесермянским формам аккузатива *мил'эмэс*, *тил'эдэс* добавляется севернорудмуртский показатель аккузатива *-ды*, вследствие чего возникают формы *мил'эмэсты* (< *мил'эмэс* + *ды*) 'нас' и *тил'эдэсты* (< *тил'эдэс* + *ды*) 'вас'. Таким образом, показатель *-эсты*, бытующий в бесермянском наречии, также в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, представляет собой контаминацию формантов аккузатива южных говоров *-ыз* (в указанных диалектах он чаще выступает в варианте *-эс*) и северных диалектов *-ды*.

2.2. Интерес представляют диалектные формы аккузатива 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа усилительно-личных местоимений, функционирующие в нижнечепецком диалекте, также в юкаменском и ярском говорах среднечепецкого диалекта: *аслымэ* 'меня самого', *аслыдэ* 'тебя самого', *аслызэ* 'его самого, ее саму'. Примеры: сч.: яр. *кал' аслымэ жал'ас'ко н'и мон. аз'ло оз' жал'аны кулэ вал*. Ел. 'Сейчас **саму себя** уже жалею я. Раньше нужно было жалеть'; нч.: сл. *картэ аслызэ йаратэ, ой бэн, йун йаратэ*. Пес. 'Муж мой **сам себя** любит, да, очень любит'.

Аналогичные формы *asløme*, *asløde*, *asløze*, наряду с формами *asøme* 'меня самого', *asøde* 'тебя самого', *asøze* 'его самого, ее саму', отмечаются в бесермянском наречии [34, с. 187–188]. Относительно структуры бесермянских форм *asløme*, *asløde*, *asløze* и нижнечепецких вариантов *аслымэ*, *аслыдэ*, *аслызэ* мы придерживаемся мнения В. К. Кельмакова, согласно которому рассматриваемые формы состоят из следующих морфем: «<...> корень *as-*; формант датива *lø-*; притяжательные суффиксы *-m*, *-d*, *-z* и суффикс аккузатива *-e*» [19, с. 126]. В остальных диалектных микросистемах северного наречия, подобно большинству удмуртских говоров, указанные формы образуются от основы *ас-* + соответствующий лично-притяжательный суффикс *-m*, *-d*, *-z* + падежный показатель *-э*: *асмэ*, *астэ*,

ассэ. Можно предположить, что в нижнечепецком диалекте, также в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта формы *aslöme*, *aslöde*, *aslöze* возникли под влиянием языка бесермян.

2.3. В удмуртском диалектном языке деепричастный суффикс с временным значением представлен двумя алломорфами: *-ку* и *-кы*. В функционировании данных алломорфов североудмуртские диалекты проявляют между собой некоторые различия. В говорах верхнечепецкого и среднечепецкого диалектов распространен суффикс *-ку*: *мыныку* ‘когда идешь’; *вэтлыку* ‘когда ходишь; во время хождения’; *с'ис'кыку* ‘когда ешь; во время еды’. Лишь в некоторых населенных пунктах Кезского р-на (д. Ю-Тольён, с. Юски, д. Сыга), входящих в ареал кезского говора верхнечепецкого диалекта, наряду со стандартным суффиксом *-ку*, спорадически употребляется также и формант *-кы*: *ужаку* ~ *ужакы* ‘когда работаешь’; *тубыку* ~ *тубыкы* ‘когда поднимаешься; поднимаясь’; *мыныку* ~ *мыныкы* ‘когда идешь’. Алломорф *-кы*, вероятно, проник в кезкий говор с территории центральной Удмуртии, население которого частично участвовало в заселении данного ареала [2, с. 47; 4, с. 193–194].

В нижнечепецком диалекте в указанной функции как единственно возможный используется формант *-кы*, по происхождению являющийся более древней формой [31, с. 302; 18, с. 160]: *ужакы* ‘во время работы’, *с'удыкы* ‘во время кормления’, *кырзакы* ‘во время пения’. Примеры: сл. *мим но с'отыли ук'о пийэлы машина понна вэттыкызы*. Пес. ‘И в прошлом году деньги давала сыну, **когда** они машину покупать (‘за машиной’) **ездили**’; сл. *салдатыс' бэрттыкы, со познако'мицца кариз пойэздын учи'т'эл'эн*. Свет. ‘**Возвращаясь** со службы в армии, он познакомился в поезде с учителем’.

Вариант *-кы* распространен в говорах южной диалектной зоны [3, с. 188; 18, с. 159], в части срединных говоров. Кроме того, этот вариант характерен для бесермянского наречия [34, с. 253; 19, с. 129]. Сохранению алломорфа *-кы* в нижнечепецком диалекте, как мы полагаем, способствовали контакты с бесермянским населением.

Таковы в целом фонетические и морфологические особенности североудмуртских диалектов, развитие которых может быть обусловлено влиянием языка бесермян. Контакты североудмуртских диалектов с языком бесермян, несомненно, оказывали и оказывают определенное воздействие на эти диалекты. Как показывает вышеизложенный материал, из рассмотренных языковых черт воздействие бесермянского языка на нижнечепецкий и среднечепецкий диалекты выявляется в большей степени на фонетическом уровне. Морфология, как наиболее устойчивый ярус языка, менее подвержена изменениям. Следы бесермянского влияния в указанных диалектах прослеживаются в основном во внешнем оформлении грамматических форм. Изучение чепецкого языкового ареала представляет интерес для исследования в перспективе процессов влияния североудмуртских диалектов на язык бесермян.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) Языки и диалекты: бал. – бalezинский говор среднечепецкого диалекта; бес. – бесермянское наречие удмуртского языка; вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; деб. – дебёсский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зуринский говор верхнечепецкого диалекта; кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта; кож. – кожильский подговор глазовского говора среднечепецкого диалекта; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; рус. – русский язык; сев. – северное наречие удмуртского языка; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сред. – срединные говоры удмуртского языка; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; южн. – южное наречие удмуртского языка; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта.

б) Населенные пункты по североудмуртским диалектам:

среднечепецкий диалект

Удмуртская Республика: Байр. – д. Байран, Юкаменский р-н; Бар. – д. Бармашур, Ярский р-н; Бел. – д. Беляново, Юкаменский р-н; ВБог. – д. Верхняя Богатырка, Глазовский район; ВУн. – д. Верхние Уни, Юкаменский р-н; Гул. – д. Гулёково, Глазовский район; Дзяк. – д. Дзякино, Ярский р-н; Диз. – д. Дизьмино, Ярский р-н; Ел. – с. Елово, Ярский р-н; Ер. – д. Ертем, Юкаменский р-н; Кыч. – д. Кычён, Юкаменский р-н; Люк – с. Люк, Бalezинский район; Люм – с. Люм, Глазовский район; Мем. – д. Меметово, Ярский р-н; НЕл. – д. Ново-Елово, Юкаменский р-н; Оз. – д. Озерки, Ярский район; Пор. – д. Порово, Юкаменский р-н; Пыш. – с. Пышкет, Юкаменский р-н; Пышк. – д. Пышкец, Глазовский р-н; Ук. – с. Укан, Ярский р-н; Чар. – д. Чарланово, Ярский р-н; Чур. – д. Чурашур, Юкаменский р-н; Юр – пос. Юр, Ярский р-н;

верхнечепецкий диалект

Удмуртская Республика: Каб. – д. Кабалуд, Кезский район; ОИр. – д. Оник-Ирым, Игринский район; Сыг. – д. Сыга, Кезский район; Тыл. – с. Тыловай, Дебёсский район;

нижнечепецкий диалект

Кировская область: Ас. – д. Астрахань, Унинский р-н; Берез. – д. Березник, Зуевский район; Бур. – д. Бурино, Слободской район; Крас. – д. Красногорье, Слободской р-н; Ок. – пос. Октябрьский, Зуевский р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – Паскино, Слободской р-н; Пес. – д. Пески, Слободской р-н; Свет. – д. Светозарево, Слободской р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н; Слуд. – д. Слудка, Зуевский р-н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский Т.А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов // Урало-алтайские исследования. 2021. 2 (41). С. 7–20.
2. Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
3. Атаманов М.Г. Песни и сказы ушедших эпох. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
4. Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
5. Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.
6. Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу) // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1951. Т. 10. 142 с.
7. Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. 1970. № 3. С. 37–47.
8. Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 95–133.
9. Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3–42.
10. Загуляева Б.Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126–136.
11. Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 223 с.
12. Кельмаков В.К. Развитие фонетической системы языка в условиях иноязычного окружения (татарское влияние на удмуртские диалекты) // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970. Tallinn, 1975. Pars 1. Acta linguistica. С. 547–549.
13. Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
14. Кельмаков В.К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 114–122.
15. Кельмаков В.К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика [1]: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 26–51.
16. Кельмаков В.К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33–107.
17. Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представ. в качестве дис. ... д. филол. наук. М., 1993. 57 с.
18. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
19. Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. 276 с.
20. Кельмаков В.К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.
21. Корепанов Д.И. Бесермяне // На удмуртские темы. М., 1932. Вып. 2. С. 99–106.
22. Луппов П.Н. Северные удмурты в 16–17 веках // На удмуртские темы. М., 1932. Вып. 2. С. 122–144.
23. Лыткин В.И. Лабиализованные гласные среднего ряда в пермских языках // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 85–94.
24. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
25. Максимов С.А. Самоназвания удмуртов и бесермян, их варианты, названия соседних народов в языке удмуртов и бесермян // Linguistica Uralica. 2008, т. 44 (2). С. 108–118.
26. Максимов С.А. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» // Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск, 2009. Вып. I. С. 42–48.
27. Максимов С.А. Комментарий к карте «Капуста» // Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 105–110.
28. Максимов С.А. Комментарий к карте «Реализация вариантов фонемы ы и употребление фонемы s в диалектах удмуртского языка» // Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический

- атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 60–68.
29. Напольских В.В. «Бисермины» // О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 50–54.
30. Попова Е.В. Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004. 253 с.
31. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
32. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / Ред.-сост.: А.И. Кузнецова, Н.В. Сердобольская, М.Н. Усачева, О.Л. Бирюк, Р.И. Идрисов. М.: ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
33. Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / М.Н. Усачёва [и др.]. М.: Издательские решения, 2017. 540 с.
34. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
35. Трефилов Г.Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 310–318.
36. Федюнева Г.В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург, 2008. 427 с.

Поступила в редакцию 21.03.2023

Карпова Людмила Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Люкина Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
иностранных языков и удмуртской филологии историко-лингвистического факультета
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет
имени В.Г. Короленко»
427621, Россия, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, 25
E-mail: nadluk@mail.ru

L.L. Karpova, N.M. Lyukina

BESERMYAN LANGUAGE CHARACTERISTICS IN NORTHERN UDMURT DIALECTS

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1267-1279

The Cheptsya region is a polyethnic area, where alongside the Udmurts, there are Russians, Besermyans and Tatars. The development of certain specific features in the Northern Udmurt dialects is to some extent connected with the influence of the Besermyan language. The Besermyans are a small people of the northwest of Udmurtia who speak one of the dialects of the Udmurt language. This article examines the phonetic and morphological phenomena of the Northern Udmurt dialects that have developed under the influence of the Besermyan language or maintained through contacts with this language. Certain common features with the Besermyan language can be found in the Middle Cheptsya and Lower Cheptsya dialects. Phonetic features such as the transition from [ы] to [ь], voicing of voiceless consonants before [v], palatalization of consonants before [i], insertion of the prosthetic [ỵ], various sound changes in the vowel area, etc., are examined. The article also analyzes certain facts of Besermyan influence at the morphological level, particularly in the formation of some pronouns and gerunds.

Keywords: Udmurt language, Besermyan dialect, Northern dialects, language influence, phonetics, morphology.

1. Arkhangel'skii T.A. Primenenie dialektometricheskogo metoda k klassifikatsii udmurtskikh dialektov [Application of dialectometric method to the classification of Udmurt dialects] // Uralo-altaiskie issledovaniya [Ural-Altai Studies]. 2021, 2 (41), pp. 7–20. (In Russian).
2. Atamanov M.G. Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005, 216 p. (In Russian).
3. Atamanov M.G. Pesni i skazy ushedshikh epokh [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005, 248 p. (In Russian).
4. Atamanov-Ehgrapi M.G. Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2010, 576 p. (In Russian).

5. Atamanov-Ehgrapi M.G. Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2017, 592 p. (In Russian).
6. Belitser V.N. Narodnaya odezhda udmurtov (materialy k etnogenezu) [Folk clothes of the Udmurts (materials for ethnogenesis)] // Trudy Instituta etnografii AN SSSR [Works of the Institute of Ethnography of Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, 1951, issue 10, 142 p. (In Russian).
7. Vladykin V.E. K voprosu ob etnicheskikh gruppakh udmurtov [On the issue of ethnic groups of the Udmurts] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1970, issue 3, pp. 37–47. (In Russian).
8. Grishkina M.V. Chislennost' i rasselenie udmurtov v XVIII veke [The number and resettlement of the Udmurts in the 18th century] // Voprosy etnografii Udmurtii [Questions of ethnography of Udmurtia]. Izhevsk, 1976, pp. 95–133. (In Russian).
9. Grishkina M.V., Vladykin V. E. Pis'mennye istochniki po istorii udmurtov IX–XVII vv. [Written sources on the history of the Udmurts of the 9th–17th centuries] // Materialy po etnogenezu udmurtov [Materials on the ethnogenesis of the Udmurts]. Izhevsk, 1982, pp. 3–42. (In Russian).
10. Zagulyaeva B.Sh. Govory dd. Muvazhi i Chumali [Subdialects of the villages of Muvazhi and Chumali] // Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981, pp. 126–136. (In Russian).
11. Karpova L. Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997, 224 p. (In Russian).
12. Kel'makov V.K. Razvitie foneticheskoi sistemy yazyka v usloviyakh inoyazychnogo okruzheniya (tatarskoe vliyanie na udmurtskie dialekty) [Development of the phonetic system of the language in a foreign language environment (Tatar influence on Udmurt dialects)] // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970. Tallinn, 1975. Pars 1. Acta linguistica, pp. 547–549. (In Russian).
13. Kel'makov V.K. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurtuskogo narechiya. I [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] // Voprosy udmurtskoi dialektologii [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977, pp. 26–61. (In Russian).
14. Kel'makov V.K. K voprosu o bulgarskom substrate v yazyke besermyan [On the Question of the Bulgar Substratum in the Besermyan Language] // Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov [Issues of Dialectology of the Turkic Languages]. Ufa, 1985, pp. 114–122. (In Russian).
15. Kel'makov V.K. K voprosu o dialektnom chlenenii udmurtskogo yazyka [On the issue of dialect division of the Udmurt language] // Permistika [1]: Voprosy dialektologii i istorii permskikh yazykov [Permistics 1: Issues of Dialectology and History of Permian Languages]. Izhevsk, 1987, pp. 26–51. (In Russian).
16. Kel'makov V.K. K opisatel'noi i istoricheskoi fonetike besermyanskogo narechiya [To the descriptive and historical phonetics of the Besermyan dialect] // Kel'makov V. K. Problemy sovremennoi udmurtskoi dialektologii v issledovaniyakh i materialakh [Problems of modern Udmurt dialectology in research and materials]. Izhevsk: Publishing House of Udmurt University, 1992, pp. 33–107. (In Russian).
17. Kel'makov V.K. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov: nauch. dokl., predstav. v kachestve dis. ... d-ra filol. nauk [Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: a scientific report, presented as a thesis of Doctor of Philology]. Moscow, 1993, 57 p. (In Russian).
18. Kel'makov V.K. Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998, 386 p. (In Russian).
19. Kel'makov V.K. Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka [Dialectic and historical phonetics of the Udmurt language]. Part 1. Izhevsk: Publishing House Udmurt University, 2003, 276 p. (In Russian).
20. Kel'makov V. Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka [Dialectic and historical phonetics of the Udmurt language]. Part 2. Izhevsk: Publishing House Udmurt University, 2004, 395 p. (In Russian).
21. Korepanov D.I. Besermyane [Besermyans] // Na udmurtskie temy [On Udmurt themes]. Moscow, 1932, issue 2, pp. 99–106. (In Russian).
22. Luppov P.N. Severnye udmurty v 16–17 vekakh [Northern Udmurts in the 16th–17th centuries] // Na udmurtskie temy [On Udmurt themes]. Moscow, 1932, issue 2, pp. 122–144. (In Russian).
23. Lytkin V.I. Labializovannyye glasnye srednego ryada v permskikh yazykakh [Labialized vowels of the middle row in Permian languages] // Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]. 1968, № 1, pp. 85–94. (In Russian).
24. Lyukina N.M. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan [Phonetic and morphological features of the language of Lekminsky and Yundinsky Besermyans]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016, 200 p. (In Russian).
25. Maksimov S.A. Samonazvaniya udmurtov i besermyan, ikh varianty, nazvaniya sosednikh narodov v yazyke udmurtov i besermyan [Self-nominations of the Udmurts and the Besermians, names of the neighboring peoples in the language of the Udmurts and the Besermyans] // Linguistica Uralica, 2008, vol. 44 (2), pp. 108–118. (In Russian).
26. Maksimov S.A. Kommentarii k kartam «Dialektnoe chlenenie udmurtskogo yazyka» i «Prinadlezhnost' opornykh punktov k territorial'nym dialektam» [Commentary on the maps «Dialect division of the Udmurt language» and «Belonging of strong points to territorial dialects»] // Nasibullin R.Sh., Maksimov S.A., Semenov V.G., Busygina L.V.,

- Otstavnova G. V. Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments]. Izhevsk, issue I, pp. 42–48. (In Russian).
27. Maksimov S.A. Kommentarii k karte «Kapusta» [Comment on the map «Cabbage»] // Nasibullin R. Sh., Maksimov S.A., Semenov V.G., Busygina L.V., Otstavnova G.V. Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments]. Izhevsk: NITS «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2009, issue I, pp. 105–110. (In Russian).
28. Maksimov S.A. Kommentarii k karte «Realizatsiya variantov fonemy ы i upotreblenie fonemy s v dialektakh udmurtskogo yazyka» [Comments on the map «Implementation of variants of the phoneme ы and the use of the phoneme s in dialects of the Udmurt language»] // Nasibullin R. Sh., Maksimov S.A., Semenov V.G., Otstavnova G.V. Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii [Dialect atlas of the Udmurt language: Maps and comments]. Izhevsk: NITS «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2009, issue I, pp. 60–68. (In Russian).
29. Napol'skikh V.V. «Biserminy» // O besermianakh [About the Besermians]. Izhevsk, 1997, pp. 50–54. (In Russian).
30. Popova E.V. Kalendarnye obryady besermyan [Calendar ceremonies of Besermyan]. Izhevsk, 2004, 253 p. (In Russian).
31. Serebrennikov B.A. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ., 1963, 392 p. (In Russian).
32. Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka [Dictionary of the Besermyan dialect of the Udmurt language] / Ed.-Comp.: A.I. Kuznetsova, N.V. Serdobolskaya, M.N. Usacheva, O.L. Biryuk, R.I. Idrisov. Moscow: TESAUROS Publ., 2013, 540 p. (In Russian).
33. Tezaurus besermyanskogo narechiya: Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan) [Thesaurus of the Besermyan dialect: Names and auxiliary parts of speech (dialect of the village of Shamardan)]. Ed.-Comp. M.N. Usacheva [et al.]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ., 2017, 540 p. (In Russian).
34. Teplyashina T.I. Yazyk besermyan [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 288 p. (In Russian).
35. Trefilov G.N. Besermyane po pis'mennym istochnikam [Besermyans according to written sources]. Issues of Finno-Ugric linguistics. 1967, issue IV, pp. 310–318. (In Russian).
36. Fedyuneva G.V. Pervichnye mestoimeniya v permskikh yazykah [Primary pronouns in Permian languages]. Ekaterinburg, 2008, 427 p. (In Russian).

Received 21.03.2023

Karpova L.L., Doctor of Philology, Leading Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Lyukina N.M., Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages and Udmurt Philology,
Faculty of History and Linguistics
Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko
Pervomayskaya st., 25, Glazov, Russia, 427621
E-mail: nadluk@mail.ru